

Василий Розанов

**Люди лунного света
(Метафизика христианства)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Р64

P64 **Розанов В.**
Люди лунного света (Метафизика христианства) / Василий Розанов – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 158 с.

ISBN 978-5-458-04412-7

Книга посвящена изучению истоков негативного отношения к человеческой сексуальности в христианском мире., Возникновение традиции аскетизма и безбрачия, поощрения девственности и противодействия законам природы вот круг вопросов, которые затрагиваются в этой книге., Исследование построено на противопоставлении друг другу Ветхого и Нового Заветов, как двух диаметрально противоположных традиций: радости и упоения земной жизнью аскетизму и отрицанию земного бытия ради жизни вечной.

ISBN 978-5-458-04412-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

В. В. Розанов
Люди лунного света
(Метафизика христианства)

«Бородатые Венеры» древности...

... «Кедеши Молоха и Астарты обязывались к жертвам иного рода. Бог разрушения и враг жизни умилостивлялся самоистязаниями и требовал уничтожения той силы, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода, — половой силы. Известны были огненные очищения¹, или прохождения через огонь в честь Молоха; жрецы его резали себе тело и бичевали себя. Еще более распространено было скопчество. Кедеши, т. е. «святые», «священники» Молоха и Асгарты, были кастрировавшие себя так называемые *galli*². Сцены этого обряда, сопровождавшиеся неистовством, поразительны. Греческие писатели передают, что среди раздирающих (печальных? грустных? — В. Р.) звуков музыки и пения они резали себе руки и бичевали себя; а юноша, которому приходила очередь оскопиться, срывал с себя одежды³ и, что-то неистово выкрикивая⁴, хватал нож и отсекал свой детородный член. Вслед затем он бежал по улицам города, держа в руке отрубленный детородный уд, и, войдя в первый попавшийся дом, — потрясая, показывал его найденной там женщине и бросал к ее ногам⁵ (*Movers, «Ueber d. Relig. d. Phoeniz». S. 684–685*). Женщины в честь Небесной Девы, Астарты, — также обрекали себя на всегдашнее безбрачие⁶. В связи с такого рода посвящением⁷ мужчин и женщин на служение Молоху и Астарте, и сопровождавшими его обрядами, находился преследуемый Моисеем⁸ обычай, по которому мужчины одевались в платье женщин, и — наоборот⁹. Юноши как бы обращались в девушек, после посвящения их божеству, т. е. после того, как они лишились детородных органов. Быть может, в этом отчасти выражалась и мысль о том, что божество есть нечто безразличное по отношению к полам¹⁰. На это указывает свидетельство древних: согласно им, богиня Венера представлялась иногда андрогином (*αντρ + γύνη*) и называлась и «Марсом», и «Венерою». Особенно в мистериях признавалась она *intriusque sexus*¹¹. Ее называли поэту *«Deus Venus»*, как и сирийскую богиню Луны *«Deus Lunus»* и *«Dea Luna»*. На острове Кипр была даже «бородатая Венера», *Venus Barbatus*. Молох превращался в Мелитту и наоборот. Вот почему мужчины перед Венерой приносит жертву в одежде женщин, а женщины перед Марсом в мужской одежде¹². *«Invenies in libra magico praeasperi, — говорит Маймонид о религии сирийцев, — ut vestimentum muliebre induat vir, quando stat coiram stella Veneris, similiter et mulier induat loricam, quando stat coram stella Martis»*¹³ (Архимандрит Хрисанф: «Религии древнего мира», т. III, стр. 302–303).

* * *

«В Сидоне, столице Финикии, Астарты — или «Великая Астарта», как здесь называли ее, — была верховным божеством и покровительницею города. Самые свойства этой финикийской богини, по общему значению сходной с Ваалит и Ашерой, были, в существе, совершенно отличны. Эта αστροαρχή — как по-своему перевели ее имя греки — была Девственница, *Virgo Caelestis* — в противоположность Ашере. Характер ее — суровый и мрачный, а кульп требовал воздержания и самоистязаний и соединялся обыкновенно с культом Молоха. Ее поклонники обязывались к целомудрию и должны были приносить ей в жертву свою страсть и свои чувственные пожелания¹⁴. Санхониатон и ее, как Ваалит и

Истар, называет «звездою Венеры», но большинство греческих писателей признают ее богинею Луны¹⁵. Нет сомнения, что Астарта представляет собою женскую половину Молоха, как Ашера — Баала. Первоначально, конечно, она была го же, что и Баалит и Ашера; но впоследствии, параллельно Молоху, который присоединился к Баалу, в сидонской Астарте воплотилась *сторона этого Молоха — элемент, враждебный жизни и ее развитию.* По крайней мере, тип этой вечной *Небесной Девы, суровой, услаждавшейся кровавыми жертвами, ближе всего подходит к типу Молоха...* По всей вероятности, за нею оставалось значение не планеты Венеры, как за Ашерою, а Луны»... (там же, стр. 284–285).

Подвижники раннего христианства

«Иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, и чтобы убедиться в этом — стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних. Там мы увидим, что оно появилось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. «Преподобные» явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился уподобиться Сладчайшему Иисусу.

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были Назореи¹⁶, посвящавшие себя Богу по особенному обету, на время или на всю жизнь. Таковы были Илия, Елисей, и ученики пророческие, соблюдающие целомудрие¹⁷ нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления¹⁸ те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. XI, 37, 38). Таков был и Предтеча Господень.

Но в *полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете*. По словам аввы Пиамона, *новозаветное иночество ведет свое начало от самих Апостолов. Таким в начале было и всемножество первых уверовавших во Христа*. Св. Василий Великий *в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества*¹⁹... Действительно, некоторые из Апостолов, не вступившие в брак до своего призыва к апостольству, *остались навсегда девственниками*: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы — Иоанн и Иаков и Апостол Павел. Ученики св. Апостола Павла, Тит и Тимофей, подобно своему наставнику *оставились безбрачными*, всецело посвятили себя на служение Господу. Дщери перводиаконов Филиппа и Николая *пребывали в девстве*²⁰. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные *послания к девственницам*²¹... С самых времен апостольских *идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах*.

Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тарский, св. Киприан — говорят нам о существовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу²².

После Апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны святые: *Фекла, Зинаида и Филоида, Евдокия и Телесфор*.

Св. Фекла, после проповеди Апостола Павла и Варнавы в Иконии, уверовав в Господа, оставила своего жениха²³. После чудесного избавления от огня в Иконии и зверей в Антиохии, с благословения Апостола Павла «иде в Селевкию и вселился в пустем месте на некоей горе близ Селевкии, и тамо живяше в посте и молитвах и богомыслии» — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Филоида были сродницами Апостола Павла. «Оставиле своя стяжания и всего отрекшеся мира», — они пришли в Фиваиду и там, близ города Димитриады, «в некоем вертепе житие свое провождаху». — Язычники, «нонною нападше, камением побита их, и тако блаженным сном успнули»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным

богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братии семьдесят иноков». Искренно раскаявшись, св. Евдокия в святом крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученическою смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил, до своего избрания в папы, отшельническую жизнь. Скончался мученическою смертию (128–139 г.).

Из второго века известны своей подвижнической жизнью: *святый Фронтон*, имевший под своим руководством до 70 иноков и построивший монастырь в пустыне Нитриской, *св. Параскева*, раздавшая по кончине родителей все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа, *св. Наркис*, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. *Св. Евгения*, римлянка, дочь наместникаalexандрийского, в царствование императора Коммода обратившись ко Христу чтением Свящ. Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, — сказала она слугам, — сюда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, построившего монастырь, она приняла св. крещение вместе с евнухами. *Переодетая в мужскую одежду*, Евгения принятая была в мужской монастырь, «юноше подобна одеянием и остриженными волосы». «В монастыре живяше, — добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в *настоятели*, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами *св. Никон*. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого, блаженный Никон живяще в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматривайся житию: тоже и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своея».

Св. *Галактион* и *Епипатима* — из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, *по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой*. Обратив ее ко Христу, он *убедил ее вести девственную жизнь*²⁴. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там, близ горы Публиона, Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима — в женский. «Подвиги его и труды кто изречи может? Никогда не виден бысть праздник, но или делаще, что монастырю потребно, или молящеся: пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своея бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдашеся опасно, да не видит лица женска»²⁵... Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. *Пансофий*, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав свое имущество, удалился в пустынию. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок

диакон Авив. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Ришияныя. Близ Рима, на уединенном и незнаемом месте, находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия, трех лет, была взята на воспитание игуменией Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, уневестися Христу, и день и ночь в молитвах служа-ше». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Из переводного творения Руфина: «Жизнь пустынных отцов».

Благочестивому читателю

«После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена: в нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх к живому, святолюбящему Богу, как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся, с удалением от Бога, пустоту. И вот — нет конца, нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием; и вот — «все суeta и томление духа» (Еккл. 1, 8,14). Множество *конечных* целей никогда не удовлетворит духа с его *бесконечными* стремлениями²⁶.

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной — до художественности — форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь, как на законченное целое, и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина развертывается перед нами в песнопениях Гомера. Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь перед нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера «мы ощущаем как в целом, так и в частях — свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада — ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастия, даже слезы — не портят того жизнерадостного ощущения, которое ощущается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и человечно! Смысл жизни — в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который —

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеша

Видеть, как целой страной обладает веселье, как всюду

Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости

Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом

Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток

Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.

Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!

Но вот — пришло Евангелие. Оно открыло миру новый, неведомый язычество, смысл жизни. Перед очами мира засияла новая красота, перед которой поблекла

красота мира сего. В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, попалил прежнюю и воспламенил новую жизнь на ней...

…Вместо героев, увлекавшихся борьбою, вместо гостей, увенчанных миртом и розами²⁷, вместо веселых хороводных песен — явились другие люди, с другими стремлениями. Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады — нет, — ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры — вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвления плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, неустанная молитва, отречение от суэтных радостей мира — вот что вдохновляло этих новых людей²⁸…

Третий пол. Пол как прогрессия нисходящих и восходящих величин

Во всех фактах, которые мы привели, христианских и дохристианских, мы имеем в зерне дела какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внущенное отвращение к *совокуплению*, т. е. к соединению своего детородного органа с *дополняющим* его детородным органом другого пола. «Не хочу! не хочу!» — как крик *самой природы*, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоприродных религиозных явлений. Крик... «самой природы»: и мы должны предположить, что в том как бы мировом котле, где замешивалась каша всемирной насыщенности, всемирной наличности, уже содержались какие-то элементы этого противоборства, этой противоприродности, что уже там в этом первозданном или, вернее, до-миrozданном котле бурлили *течения* и *противотечения*, ходили круги кипящей материи туда, сюда, *винтом*, кругообразно, а *отнюдь не по прямой линии*; и когда она застыла и родился *оформленный мир*, — мы так и видим в нем эти застывшие и переданные нам, т. е. *вложенные в природу существа*, движения «туда», «сюда», «винтом» и, словом, *не по прямой линии*. Пол был бы совершенно ясное или довольно ясное явление, если бы он состоял в периодически совершающемся совокуплении самца и самки для произведения новой особи: тогда это было бы то же, что стихии кислорода и водорода, образующие «в соединении» третье и «новое существо» — *воду*. Но кислород и водород *противотечений* не знают: и если бы мы увидали, что вдруг не частица кислорода, *жадно соединяясь* (как всегда в химическом сродстве) с частицей водорода, — порождают *каплю воды*, а, напротив, частица водорода, которая-нибудь одна и исключительная, вдруг начинает тоже «с жадностью» лезть *на себе подобную частицу* водорода же, убегая с отвращением от дополнительной для себя частицы кислорода, мы сказали бы: «чудо! *живое! индивидуально-отличное! лицо!!*» *Индивидум* начался там, где вдруг сказано закону природы: «стоп! *не пускаю сюда!*» Тот, кто его не пустил, — и был первым «духом», не-«природою», не-«механикою». Итак, «лицо» в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона». Нарушение его как единства и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественног» и «всеобще-ожидаемого».

Тогда нам понятны будут «противоборства» в «котле», как такой процесс, в котором «от века» залагалось такое важное, универсально-значительное для космоса, универсально-нужное миру начало, как *лицо, личность, индивидуализм*, как «*я*» в мире. «*Я*» борется со всяkim *не-«я»*: суть «*я*» и заключается в том, чтобы вечно утверждать о себе: «не вы», «не они». Суть «*я*» именно в *я*. Это и не добро, и не зло: точнее, «*добро*» я заключается в обособлении, в несмешивании, в противоборстве всему, а «*зло*» я заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» и для избежания «ссоры» *мирится с другим, сливается с ним*. Тогда есть «мораль», но нет *лица*: ну, а важно или не важно «лицо» для мира — об этом будут судить уже не одни моралисты. Без «лица» мир не имел бы сияния, — шли бы «облака» людей, народов, генераций... И, словом, без «лица» нет *духа и гения*.

Когда мир был сотворен, то он, конечно, был цел, «закончен»: но он был

матовый. Бог (боги) сказал: «Дадим ему сверкание!» И сотворили боги — лицо.

Я все сбиваюсь говорить по-старому «Бог», когда давно надо говорить *Боги*; ибо ведь их два, Эло-гим, а не Эло-ах (ед. число). Пора оставлять эту навеянную нам богословским недомыслием ошибку. Два Бога — мужская сторона Его, и сторона — женская. Эта последняя есть та «Вечная Женственность», мировая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. «По образу и подобию Богов (Элогим) сотворенное», все и стало или «мужем», или «женой», «самкой» или «самцом», от яблони и до человека. «Девочки» — конечно, в Отца Небесного, а мальчики — в Матерь Вселенной! Как и у людей: дочери — в отца, сыновья — в мать.

Но я несколько отвлекся в космологическую сторону от изыскания первоначального зерна, которое лежит в основе «безбрачных» явлений. Мировое «не хочу» самца в отношении самки, и самки в отношении самца, не было подвергнуто до последнего времени наблюдению, и только XIX век начал собирать в этом направлении факты. Факты эти приводят к бесспорному заключению, что «пол» не есть в нас — в человечестве, в человеке — так сказать «постоянная величина», «цельная единица», но что он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которую ньютоно-лейбницевская математика и философия математики наименовала величинами «текущими», «флюксиями» (Ньютон). Обращение внимания на эти величины привело одновременно Ньютона и Лейбница к открытию «исчисления бесконечно малых» (дифференциальное исчисление), которое, между прочим, интересно в том отношении, что через него впервые мертвя математика, или как бы мертвя, мертвя в арифметике и вообще пока она занимается «постоянными величинами», — получила доступ, получила силу *дотронуться, коснуться и живых* (органических) явлений, «вечно текущих»... Вот такая-то «вечно текущая» величина в нас или, точнее, существо в нас есть *пол* наш, как наша «самочность», что мы суть или «самец» или «самка». Вообще — это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого «так» лежит и *не так*: противоборство, противотечение, «флюксия» (Ньютон), «я», отрицающее всяко-го «*не-я*». И, словом, — *жизнь*, начало жизни; *лицо*, начало лица...

Предположение, что *пол* есть «цельная величина» и вообще *не* «текущее», породило ожидание, что всякий самец хочет самки и всякая самка хочет самца; ожидание, до того всеобщее, что оно перешло и в требование: «всякий самец да пожелает своей самки» и «всякая самка да пожелает себе самца»... «Оплодотворяйтесь и множитесь», конечно, это включает. Но навсегда останется тайной, отчего же при универсальном «оплодотворяйтесь, множитесь», данном *всей* природе, один человек был создан в единичном лице *Адама!* Изумление еще увеличится, если мы обратим внимание, что позднее из Адама вышла Ева, «мать жизни» (по-еврейски — «мать жизней», яйценосная, живородящая *ad infinitum* »²⁹), т. е. что в существе Адама скрыта была и Ева, будившая в нем грэзы о «подруге жизни»... Адам, «по образу и подобию Божию сотворенный», был в скрытой полноте своей *Адамо-Евою*, и самцом, и (*in potentia*³⁰) самкою, кои *разделились*, и это — было *созданием Евы*, которую, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. «Больше нового не будет». Ева была *последней новизной в мире*, последней и окончательной новизной.

Лишь в силу всеобщего ожидания «всякий самец хочет самки» и т. д. образовалось и ожидание, что самые спаривания самцов и самок имеют течь «с пра-